

УДК 94 (470.57)“196/198”

Н. В. Ахмадиева**Экономическая преступность в Башкирии в 1960-е — начале 1980-х гг.**

В статье исследуются проблемы роста экономических преступлений в Башкирии в 1960-е — начале 1980-х гг. Рассмотрена динамика экономической, хозяйственно-корыстной преступности, представлены общие направления преступной деятельности. Установлено, что факты растрат, хищений, расточительства, приписок в государственной отчетности, бесхозяйственного отношения к сохранности социалистической собственности на отдельных предприятиях, в организациях и учреждениях Башкирии носили массовый характер. Рост преступности в сфере народного хозяйства был определен рядом социально-экономических причин, социальных противоречий советского общества. Неустроенность быта, невысокий жизненный уровень, тотальный дефицит являлись серьезными криминогенными факторами, потенцируя рост экономических девиаций.

Показана роль государства и общества в реализации программы правоохранительных мероприятий, направленных на устранение этого негативного явления. Несмотря на меры государственного и социального контроля, экономическая преступность занимала значительное место в структуре общей преступности и носила системный характер.

Ключевые слова: экономическая преступность, правоохранительные органы, Башкирия, хищения, социалистическая собственность.

В 1960-е — начале 1980-х гг., в относительно стабильный период развития страны, когда вектор государственной социальной политики сместился в сторону повышения экономического благополучия и степени безопасности граждан, преступления в сфере экономики заметно активизировались. На современном этапе рост преступлений в сфере экономики, экономических и социальных девиаций в социуме обостряет и без того конфликтную ситуацию в российском обществе и актуализирует изучение проблем экономических девиаций.

Под экономическими преступлениями, или девиациями, следует понимать социальные отклонения в сфере имущественных отношений, не санкционированные обществом взаимодействия коллективных и индивидуальных субъектов хозяйствования между собой, а также с обществом и государством. К ним можно отнести теневую, криминальную, «серую» экономики, корыстно-хозяйственную преступность и т.п. [1].

Противоправная деловая активность 1970—1980-х гг. была связана с систематическими нарушениями как действующих норм права (административного, трудового, гражданского, хозяйственного), так и ведомственных актов, регулирующих хозяйственную деятельность. Тем самым даже некриминальные сферы теневой экономики оставались весьма криминогенными — при определенных условиях противоправные проявления неизбежно перерастали в преступные. Структурно можно выделить три основные составляющие теневой экономики: стихийную (противозаконную, не санкционированную государственными органами) индивидуальную трудовую и артельную деятельность; черный рынок товаров и услуг; деятельность устойчивых организованных преступных групп в экономической сфере [16, с. 121].

Говоря о методологии проблемы, следует выделить классификацию теневой экономики, предложенную Т. Корягиной. Она разделила ее на три блока: неофициальная экономика — сюда входят все легально разрешенные виды экономической деятельности, в том числе не учтенное официальной статистикой производство товаров и услуг, сокрытие этой деятельности от налогообложения и т.п.; фиктивная экономика — приписки,

© Ахмадиева Н. В., 2017

хищения, спекулятивные сделки, взяточничество и всякого рода мошенничества, связанные с получением и передачей денег; подпольная экономика — под ней понимаются запрещенные законом виды экономической деятельности, в том числе организованная экономическая преступность [17, с. 110]. Данная классификация предлагает оптимальную характеристику структурирования теневой экономики.

В целом проблемам развития экономической преступности в стране в обозначенные годы посвящено множество научных трудов в области экономики, криминологии, социологии преступности, имеются исторические исследования, в том числе региональные [2—7; 9; 11—16; 18—20 и др.]. В Башкирии указанная проблема пока не стала объектом научного исторического анализа. В статье предпринята попытка исследовать проблемы экономических преступлений в сфере народного хозяйства Башкирии в период 1960-х — начала 1980-х гг.

Данная статья базируется на архивных материалах, извлеченных из фондов Национального архива Республики Башкортостан, впервые введенных в научный оборот. Здесь особый интерес представляют документы и материалы фонда 122 Башкирского обкома КПСС. В отделе административных органов были изучены справки и переписка отдела с органами прокуратуры БАССР, рассмотрены материалы Министерства юстиции, Министерства охраны общественного порядка БАССР, Верховного суда БАССР и районных народных судов республики. Исследование дополнили материалы фонда 933 Совета Министров БАССР, в частности переписка Совмина с Министерством внутренних дел БАССР, а также Государственного архива Российской Федерации, фонд Р-9492 Министерства юстиции СССР. Представленные архивные материалы позволили дать общую характеристику динамики и направлений развития корыстно-хозяйственной преступности в Башкирии в указанный период. К сожалению, исследование затруднено недостатком абсолютных сопоставимых данных по динамике и характеру экономических преступлений в республике.

Как свидетельствуют материалы республиканских архивов, в 1960-е — начале 1980-х гг. в республике факты грубых нарушений финансовой дисциплины, хищений и растрат государственных и общественных средств становятся распространенными. В первом полугодии 1960 г. хищениями и растратами торгующих организаций только системы Башпотребсоюза государству был нанесен ущерб в сумме 1647 тыс. рублей, Башсовнархоза — в сумме 816 тыс. рублей, Министерства торговли — 613 тыс. рублей. Плохая сохранность кооперативных средств наблюдалась в Белебеевском, Ермекеевском, Белорецком, Давлекановском, Хайбуллинском, Юмагузинском, Стерлитамакском районах. Административные органы республики ослабили борьбу с экономическими преступлениями, не привлекали к ответственности виновных, что создавало атмосферу безнаказанности. Так, в Макаровском, Стерлитамакском районах, обслуживаемых Стерлитамакской райпрокуратурой, в первом полугодии 1960 г. был выявлен 21 случай растрат и хищений на сумму 127,4 тыс. рублей. Однако к уголовной ответственности были привлечены и направлены дела в суд только на 2 человек. Один из них был привлечен за халатное отношение к служебным обязанностям и осужден к 6 месяцам ИТР, другой — к одному году лишения свободы условно и отдан на перевоспитание бригаде колхозников. Проверкой было установлено, что из десяти дел, возбужденных работниками Стерлитамакского РОМ на расхитителей соцсобственности, оказались прекращенными девять, а в Макаровском РОМ — три дела. Работники отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС) не принимали мер к своевременному раскрытию замаскированных хищений и растрат, в результате лица, имевшие доступ к материальным ценностям, разворовывали их длительное время в крупных размерах [32, л. 32—33].

Правоохранительные органы республики в 1960-е гг. предпринимали определенные меры, направленные на искоренение экономической преступности. На расхитителей социалистической собственности и спекулянтов в первом полугодии 1960 г. было возбуждено 815 уголовных дел, в том числе за хищение по статьям 1—4 Указа от 4 июня 1947 г. — 401 дело, за мелкое хищение — 141, за спекуляцию — 115, мелкую спекуляцию — 2, подделку и сбыт денежных знаков — 4, получение и дачу взяток — 6, обман покупателей — 27, занятие запрещенным промыслом — 11, самогоноварение — 31, прочие преступления составили 77 дел [30, л. 56—57].

Однако в русле государственной политики гуманизации криминальной сферы, начавшейся в 1960-е гг., даже к расхитителям народного добра в особо крупных размерах применялись чересчур либеральные меры. Согласно имеющимся в прокуратуре БАССР данным, в первом полугодии 1960 г. в республике число дел, направленных в суд, и количество лиц, преданных суду, по сравнению с предшествующими периодами составило всего 38,0% от числа совершенных преступлений. Правоохранительные органы практиковали передачу на поруки общественным организациям и в товарищеские суды дел и материалов на лиц, совершивших преступления, но «не представлявших большой общественной опасности». Число дел по крупным хищениям соцсобственности, переданных в суд, снизилось на 39,9% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года [32, л. 4—15].

По линии ОБХСС было возбуждено 799 уголовных дел. По 415 малозначительным преступлениям материалы передали на рассмотрение товарищеских судов и общественных организаций. По делам, проведенным органами милиции, в первом полугодии 1960 г. расхитителями был нанесен материальный ущерб государству в сумме 2703 тыс. руб. В возмещение убытка было изъято у расхитителей соцсобственности денег, хлебопродуктов, продовольственных и промышленных товаров, других ценностей, а также грузов и описано имущества на сумму 2320 тыс. руб., таким образом, возмещаемость составила 84,7%. У спекулянтов изъяли денег, продовольственных и промышленных товаров, других ценностей и описали имущества на сумму 307,5 тыс. руб. [30, л. 57—58]. Масштаб преступлений в сфере экономики был многомиллионным, если принять во внимание, что здесь даны цифры только учтенных, зафиксированных хищений, растрат и пр., без учета латентной преступности.

В аграрной сфере общественные колхозные ресурсы, финансовые средства артелей и совхозов становились объектом хищений и растрат, средством личной наживы в первую очередь со стороны властно-управленческих структур. Но и рядовые труженики сельскохозяйственной отрасли не могли устоять перед «доступностью» имевшихся в их распоряжении ресурсов. Так, на 20 сентября 1965 г. по фактам хищения хлеба было привлечено к уголовной ответственности 71 чел., в том числе 33 колхозника, 6 рабочих совхозов, 12 шоферов, 15 комбайнеров и трактористов, 4 охранника токов и других лиц. У расхитителей изъяли и возвратили колхозам и совхозам 23,9 т зерна [31, л. 92].

В 1970 г. органами народного контроля осуществлялась выборочная проверка финансово-хозяйственной деятельности в 98 колхозах 34-х районов республики. Проверкой были установлены многочисленные факты грубого нарушения порядка ведения финансовых, кассовых операций, расходования денежных средств и товарно-материальных ценностей, в колхозах допускались злоупотребления и присвоение денежных средств и материальных ценностей. Например, в колхозе «Урзай» Бuzдякского района путем составления фиктивных ведомостей было присвоено 2880 рублей колхозных денег, часть этой суммы была распределена между руководящими работниками колхоза, ревизионной комиссии. В колхозе «Алга» того же района путем исправлений кассовых ордеров и сче-

тов было присвоено 5852 рубля. В колхозе «Урал» Стерлибашевского района председателем правления и бухгалтером путем нарушений финансовой отчетности было изъято из колхоза денежных средств на сумму более 6 тыс. рублей. Крупные суммы присвоенных выявили проверки в колхозах «Маяк», «Родина», им. Ленина Чишминского района, в колхозе «Новый мир» Миякинского района и в некоторых других [33, л. 196—197]. Хищения в колхозах производились в значительных размерах и наносили существенный ущерб экономике аграрного сектора.

В 1970-е гг. рост числа хищений государственной и общественной собственности в различных сферах экономики Башкирии приобрел устойчивый характер. В докладе первого секретаря обкома М. З. Шакирова на собрании республиканского партактива в июле 1972 г. отмечалось, что за последние 3 года в основных отраслях народного хозяйства республики убытки от растрат, недостач, хищений и других потерь составили свыше 3,5 млн. рублей. Слабо обеспечивалась «сохранность социалистической собственности» в строительных, торговых и заготовительных организациях, на предприятиях мясной и молочной промышленности. В 1971 г. растраты и хищения в системе Башпотребсоюза возросли и составили 539 тыс. рублей. Много фактов хищений было зафиксировано в системе Министерства торговли, УРСах объединения «Башнефть», «Башлес» и ОРСе железной дороги [23, л. 47—48].

Одним из факторов роста экономических девиаций в советском обществе стали увеличивающиеся материальные потребности различных слоев населения, которые не удовлетворялись в полном объеме. Невысокий жизненный уровень большинства обычных советских граждан подталкивал их к хищениям государственной и общественной собственности.

Факты растрат, хищений, расточительства, приписок в государственной отчетности, бесхозяйственного отношения к сохранности социалистической собственности на отдельных предприятиях и в ряде организаций носили массовый характер. В системе потребительской кооперации только в Стерлитамакском районном потребительском обществе в 1974 г. числилось 6 крупных недостач на сумму в 30,7 тыс. руб. и 337 мелких недостач на 22 тыс. руб., возникших вследствие растрат и хищений товарно-материальных ценностей [21, л. 15]. В том же году ревизиями на коммунальных предприятиях Иглинского, Нуримановского, Хайбуллинского, Шаранского, Чекмагушевского, Зианчуринского районов, городов Учалы, Уфы и других были установлены факты хищений и растрат денежных средств на сумму 3,3 тыс. руб. и недостач товарно-материальных ценностей на сумму 18,6 тыс. руб. [22, л. 54].

По основным отраслям промышленности, строительства, торговли, сельского хозяйства только за 1974 г. растраты и недостачи составили 1113,0 тыс. руб. В организациях Министерства торговли растраты составили 386,5 тыс. руб., в системе потребительской кооперации — 386,5 тыс. руб., в совхозах объединения совхозов — 211 тыс. руб., колхозах — 270 тыс. руб. На предприятиях мясной, молочной, пищевой промышленности допускалось много мелких хищений [24, л. 1]. Данные отрасли народного хозяйства, ресурсы которых были «привлекательными» с точки зрения корыстно-хозяйственной преступности, являлись наиболее криминализованными.

В первой половине 1970-х гг. правоохранительные органы республики значительно усилили меры, направленные против роста экономических преступлений. В 1973 г. было привлечено к уголовной ответственности за хищение соцсобственности и предано суду 2470 человек, в 1974 г. — 2640. В 1974 г. предали суду 658 должностных лиц за хищение государственного и общественного имущества с использованием служебного положения, из них 63 человека — за хищения в крупных и особо крупных размерах, 50 человек

привлечены к уголовной ответственности за взяточничество, 112 — за злоупотребление служебным положением, подлоги, преступную халатность. Среди привлеченных к уголовной ответственности 237 являлись членами КПСС, 247 — членами ВЛКСМ [24, л. 2]. Судя по представленным цифрам, в республике проводилась масштабная борьба с экономическими преступлениями, причем не уходили от ответственности и работники руководящего звена, члены партии. Все увереннее набирала обороты антикоррупционная деятельность правоохранительных органов.

По мнению Я. И. Гилинского, в стране в конце 1960-х — начале 1970-х гг. организованным преступным сообществам теневая экономика приносила стабильный и существенный доход в обороте средств, отмывании денег, внедрении в легальную экономику. В середине 1970-х гг. состоялся съезд «воров в законе» и представителей руководящего звена «цеховиков». С этого момента начался отсчет контроля преступных структур над теневым бизнесом [8, с. 169]. По Башкирии в материалах официального характера не встречались конкретные сведения о формировании здесь организованных преступных структур, встроенных в криминальную теневую экономику, что, безусловно, не исключает их наличия в исследуемый период.

Таблица 1 дает представление о масштабах присвоений и растрат в народном хозяйстве республики в первой половине 1970-х гг.

Таблица 1

Хищения государственного и общественного имущества в Башкирии путем присвоения и растрат за 1971—1974 гг.

Отрасли народного хозяйства	Выявлено хищений			Сумма ущерба, тыс. руб.			Возмещение ущерба, %		
	1971	1972	1974	1971	1972	1974	1971	1972	1974
Всего	897	837	887	417,4	326,6	474,2	86,7	85,4	78,4
в том числе в особо крупных размерах	31	18	28	229,2	41,7	137,6	42,9	62,0	74,1
В промышленности	125	132	121	47,5	40,8	107,5	67,8	83,3	106,6
На предприятиях, в организациях министерств и ведомств, в том числе автотранспорта	19	14	16	4,4	30,9	11,4	86,3	63,3	22,1
бытового обслуживания населения и коммунального хозяйства	46	43	46	11,9	13,1	16,4	53,7	86,1	51,8
культуры, искусства, спорта и просвещения	35	23	46	18,7	9,0	17,6	86,1	100,0	61,2
В сельском хозяйстве	213	174	189	52,6	31,7	94,2	77,5	84,9	76,8
в том числе в колхозах	137	128	113	34,1	29,0	72,8	86,8	60,0	78,4
совхозах	66	43	67	13,1	7,9	20,7	50,0	100,0	70,2
В строительстве	45	56	73	55,9	21,3	33,7	100,0	30,4	60,2
В госторговле	141	133	124	67,5	51,9	56,2	100,0	100,0	72,8
В потребкооперации	165	163	197	75,4	109,6	93,3	100,0	68,6	79,6

Составлено по: НАРБ. Ф. 122. Оп. 189. Д. 303. Л. 19—20.

Общее количество выявленных в эти годы хищений было довольно стабильным — от 837 до 897 случаев, несмотря на принимаемые правоохранительными органами меры. Сумма ущерба от них варьировала за данный период от 417,4 до 474,2 тыс. рублей. Не-

значительную часть случаев — от 18 до 31 — составляли хищения в особо крупных размерах, на сумму от 41,7 до 229,2 тыс. руб. В отраслях народного хозяйства по числу хищений лидировали сельское хозяйство — от 174 до 213 случаев, потребкооперация — от 163 до 197 случаев, затем шли государственная торговля и промышленность. По масштабам причиненного ущерба лидировали потребкооперация, промышленность, сельское хозяйство, торговля и др. Возмещаемость ущерба в целом была довольно высокой — от 78,4 до 86,7%, но в случаях хищений в особо крупных размерах удалось вернуть государству в 1971 г. лишь 42,9%, в 1972 г. — 62,0% от похищенных средств (табл. 1).

При усилении стагнационных тенденций в обществе в 1970—1980-е гг. происходило разрастание различных проявлений экономической преступности практически во всех отраслях народного хозяйства. Во второй половине 1970-х гг. корыстная преступность набирала обороты, о чем свидетельствуют данные по судимости. В республике высокой оставалась рецидивная преступность, причем наиболее высокой являлась повторная судимость за хищение государственного имущества путем кражи — 32,2% [25, л. 2—3]. В 1976 г. было осуждено за все виды хищения государственного и общественного имущества (кроме мелкого) 1654 чел., из них для 732-х мерой наказания было избрано лишение свободы. За хищение путем присвоения и растраты осудили 430 человек, из них в отношении только 95 человек применили меру наказания — лишение свободы (22,1%) [25, л. 4—5]. Получалось, что менее половины расхитителей социалистической собственности оказывались «за решеткой». Фактическая безнаказанность, мягкость системы правосудия провоцировала дальнейший взлет корыстно-хозяйственной преступности.

Так, только за 9 месяцев 1979 г. в торгующих организациях республики было выявлено 106 случаев растрат и хищений в крупных размерах на сумму 323 тыс. руб., в сельском хозяйстве насчитывалось недостач и хищений на сумму 824 тыс. руб., что было больше аналогичного периода 1978 г. на 147 тыс. руб. За 1979 г. органами следствия и дознания республики было окончено 2314 уголовных дел о хищениях соцсобственности, что больше на 129 дел, чем в предыдущем году. Из этого количества 637 были расследованы по фактам хищения путем присвоения или злоупотребления служебным положением, 5 дел представляли хищения в особо крупных размерах. Прокурорами в целях возмещения ущерба было предъявлено 2452 иска на сумму 2,4 млн. руб., что больше аналогичных данных за 1978 г. [26, л. 13—16]. В органах прокуратуры несколько усилилась борьба с хищениями соцсобственности, фактами расточительства, бесхозяйственности, приписок и других искажений государственной отчетности.

Следует отметить, что во второй половине 1970-х — начале 1980-х гг. положительная динамика судимости за экономические преступления была характерна в целом для России и Союза ССР. Как свидетельствуют материалы Государственного архива Российской Федерации, рост судимости за хищения государственного и общественного имущества, кроме мелкого, составил с 1976 по 1982 г. в РСФСР 145,9%, в СССР — 144,1%. В 1976 г. было осуждено по статьям 89—93 УК РСФСР 86,3 тыс. человек, в 1982 г. — 125,9 тыс. чел. Хотя следует указать на закономерность: удельный вес осужденных за хищения путем присвоения, растраты либо злоупотребления служебным положением (ст. 92 УК РСФСР), без мелкого, был довольно стабильным и не превышал 20% в общем числе осужденных за хищения. Так, в 1976 г. он составил по РСФСР 19,2%, в 1979 г. — 17,2%, в 1982 г. — 19,1%. Чуть выше были аналогичные данные по Союзу ССР, но и они не превышали 23,9%. Таким образом, обычные «воры» составляли подавляющую массу осужденных за хищения. В стране росло число спекулянтов. Судимость за спекуляцию составила в 1976 г. в РСФСР всего 3859 чел., к 1982 г. число осужденных увеличилось до 8629 чел., или в 2,2 раза [10, л. 39, 45, 53].

В начале 1980-х годов процессы роста экономических девиаций набирали темпы, соответственно и активизировалась борьба с ними. С выходом в свет Указа Президиума ВС РСФСР от 21 сентября 1981 г. улучшилась работа, направленная против нарушений правил советской торговли. Органами внутренних дел Башкирии в 1981 г. было предотвращено 362 преступления, что на 62,3% больше, чем в предыдущем году. Меры, принимаемые в связи с паспортизацией объектов хранения крупных материальных ценностей, способствовали сокращению количества краж из объектов системы Министерства торговли на 40%, потребкооперации — на 20% [29, л. 24].

В 1981 г. органами внутренних дел по линии БХСС было раскрыто на 9,1% преступлений больше, чем в предыдущем году, в том числе хищений в крупных и особо крупных размерах — на 28,2%. Хищения в крупных и особо крупных размерах были выявлены в Союзе художников БАСССР, Уфимском производственном объединении «Гидравлика», в системе бытового обслуживания населения, потребкооперации, строительстве, пищевой промышленности, учреждениях культуры. Увеличилось количество зарегистрированных фактов спекуляции, совершаемых в виде промысла и группами лиц, на 77%, взяточничества — на 70,4%, нарушений правил советской торговли — на 7,9% [29, л. 25].

Власти республики, правоохранительные органы и общественность старались держать ситуацию под контролем. В основу их деятельности по выполнению постановления Президиума Верховного Совета СССР от 17 января 1979 г. были положены комплексный план профилактики правонарушений, утвержденный постановлением бюро республиканского обкома КПСС от 28 апреля 1981 г., городские и районные комплексные планы профилактики. Во всех городах и районах проводились профилактические операции «Участок — быт» по усилению борьбы с правонарушениями, особенно в сфере быта, «Забота-81» — по борьбе с безнадзорностью и правонарушениями несовершеннолетних, «Урожай-81» — по обеспечению сохранности сельскохозяйственной продукции, безаварийной работы автотранспорта и пожарной безопасности в период посевной и уборочной кампаний, «Крепость» — по выявлению и изъятию незаконно хранящегося огнестрельного оружия у граждан и в организациях, обеспечению сохранности оружия и боеприпасов на объектах разрешительной системы и др. [29, л. 20].

МВД БАСССР разработало план мероприятий по выполнению постановления ЦК КПСС от 16 октября 1981 г. и постановления 1981 г. «Об усилении борьбы с хищениями социалистической собственности, взяточничеством и спекуляцией», представляющий комплекс мер по обеспечению сохранности социалистической собственности и борьбе с правонарушениями на предприятиях и в организациях, обеспечивающих продовольственную программу, а также совместные планы мероприятий по обеспечению сохранности социалистической собственности с 14 республиканскими министерствами и ведомствами [29, л. 23].

В 1981 г. с привлечением городских и районных прокуроров проводились проверки сохранности социалистической собственности в организациях Министерства сельского хозяйства, пищевой промышленности и торговли, объединениях мясной и молочной промышленности, управлении общественного питания. Состояние прокурорского надзора по данному вопросу проверялось в ряде районов. Изучалась и обобщалась практика прокурорского надзора за исполнением законов о борьбе с хищениями, работа следственного аппарата по раскрытию и расследованию хищений социалистической собственности, работа по возмещению ущерба от хищений и бесхозяйственности. По результатам проверок в каждом конкретном случае вносились представления руководителям министерств и ведомств, на места направлялись информационные письма об устранении недостатков. Однако данные меры не сумели остановить рост экономической преступности. В 1983 г.

выявлено на 15,6% больше, чем в 1982 г., хищений государственного и общественного имущества, в том числе краж — на 22,4%, хищений путем присвоения и растраты и злоупотребления служебным положением — на 3,0%. В первом квартале 1984 г. количество совершенных хищений государственного имущества возросло на 2,7%, на 7% больше зарегистрировано мелких хищений. В Верховном суде республики было рассмотрено 21 уголовное дело о хищениях в особо крупных размерах. В 1983 г. следственные органы расследовали и направили в суд 28 уголовных дел на 33 взяточника и 29 дел о приписках на 65 чел. [29, л. 63].

В 1983 г. органами прокуратуры в целях устранения причин и условий, способствующих совершению хищений социалистической собственности, было внесено 527 представлений, привлечено к дисциплинарной ответственности 331 чел., к материальной — 591 чел., предостережено о недопустимости создания условий для хищений 338 чел. В первом квартале 1984 г. прокуратурой БАССР с привлечением горрайпрокуроров производились проверки исполнения законов об ответственности за хищение горюче-смазочных материалов, приписки и другие нарушения государственной дисциплины в объединении «Башавтотранс», об экономии топливно-энергетических ресурсов в системе Госкомнефтепродуктов БАССР. Руководителям этих ведомств были внесены представления об устранении выявленных нарушений законности [29, л. 64].

В сельском хозяйстве в 1983 г. в ряде районов республики проводились проверки исполнения законов об охране скота, кормов и других продуктов животноводства. Ежегодно осуществлялся надзор за законностью в период уборки урожая. По делам о хищениях социалистической собственности в 1983 г. несколько активизировалась практика назначения мер наказания, суды республики стали чаще назначать дополнительные меры наказания в виде лишения права занимать определенные должности и конфискации имущества. Так, если в 1982 г. было реально лишено свободы 37,6% расхитителей, то в 1983 г. — 41,5%. За крупные и особо крупные хищения мера наказания — лишение свободы была применена к 88,5% расхитителей. У 60% расхитителей конфисковали имущество. Прокурорами активнее применялись гражданско-правовые средства в целях полного возмещения ущерба от хищений и растрат социалистической собственности. Было предъявлено в 1983 г. 252 иска на сумму 659,6 тыс. руб. Суды рассмотрели 226 исков и возместили 252,1 тыс. руб. Возросло число исков о возмещении ущерба от разукомплектования сельскохозяйственной техники, нерационального использования топливно-энергетических ресурсов, простоев вагонов, нарушений правил техники безопасности. Всего в 1983 г. прокурорами было предъявлено в народные суды республики 3879 исков имущественного характера на сумму более 4280 тыс. руб. [29, л. 64]. Следует признать, что хозяйственно-корыстная, экономическая преступность занимала значительное место в структуре общей корыстной преступности и носила системный характер.

В 1983 г. за хищения и взяточничество привлекли к уголовной ответственности ряд представителей хозяйственной номенклатуры республики. Стала более явной коррупционность правоохранительных органов Башкирии. Были привлечены к строгой партийной ответственности и сняты с работы прокуроры г. Туймазы, Альшеевского района, начальники Туймазинского, Кушнаренковского, Давлекановского, Кугарчинского, Альшеевского, Калтасинского отделов внутренних дел и др. [27, л. 23—25]. В условиях подконтрольности материальных и финансовых ресурсов руководящим партийным, административно-хозяйственным структурам возможности развития экономических преступлений среди лиц, имевших к ним доступ, значительно возрастали.

На многих предприятиях агропромышленного комплекса не был наведен должный порядок в учете, хранении и расходовании ценностей, допускались в значительных раз-

мерах недостачи и хищения денежных средств, строительных и горюче-смазочных материалов, сельскохозяйственной продукции. Около 40% ущерба, ежегодно причиняемого народному хозяйству хищениями, недостачами и порчей материальных ценностей, приходилось на сельское хозяйство. Поэтому для урегулирования ситуации в аграрной сфере Политбюро ЦК КПСС приняло постановление от 29 марта 1984 г. «О мерах по дальнейшему усилению охраны социалистической собственности в агропромышленном комплексе». Была разработана система мер, призванная улучшить ситуацию в аграрном секторе. В частности, было решено усилить личную ответственность хозяйственных руководителей, материально ответственных лиц, бухгалтерских работников и специалистов за сохранность «народного добра». Предполагалось навести строгий порядок в организации бухгалтерского учета, хранения, использования материальных ценностей, улучшить деятельность контрольно-ревизионных служб, укомплектовать их квалифицированными кадрами и т.п. [28, л. 21—23].

Министерству внутренних дел БАСССР поручили улучшить деятельность органов внутренних дел, особенно службы УБХСС, по обеспечению сохранности социалистической собственности в колхозах, совхозах и других ведомствах агропромышленного комплекса, поддерживая постоянные связи с трудовыми коллективами, общественностью. Прокуратуре БАСССР надлежало активизировать надзор за исполнением законов об охране социалистической собственности в сельском хозяйстве и других предприятиях агропромышленного комплекса. От правоохранительных органов требовалось улучшить координацию усилий по предупреждению хищений, злоупотреблений в агропроме. Комитету народного контроля БАСССР, его структурам было необходимо активизировать работу групп и постов народного контроля в системе агропрома, обратив особое внимание на усиление этой работы в период сева, уборки урожая, массовых заготовок и проведения зимовки скота, улучшить работу по пресечению фактов хищений и бесхозяйственности [28, л. 24—25].

Следует отметить, что и промышленные предприятия скрывали запасы своих материальных ценностей, что достигалось различными способами. Наиболее распространенный — сокрытие во время ежегодной переписи дефицитных материальных ресурсов. Количество предприятий, на которых допускались нарушения Инструкции ЦСУ СССР о порядке проведения переписи материальных ресурсов и неустановленного оборудования, составило, по данным республиканских и областных комитетов народного контроля, в конце одиннадцатой пятилетки в Башкирской АССР — 42,1%, в Свердловской области — 47,2%, в Московской области — 50,7% от всех проверенных предприятий. Искажение итогов переписи служило сокрытию безнарядного отпуска материалов. Были выявлены случаи их незаконного отпуска по Башкирии на 9,8% предприятий, в Свердловской области — на 15,5%. По итогам обследования Комитет народного контроля СССР установил, что от учета было скрыто свыше 350 тыс. т металла и труб, 38 тыс. кабельных изделий, почти на 500 млн. руб. оборудования. Проверки, произведенные органами прокуратуры, показали, что из 427 объектов Госкомнефтепродуктов РСФСР в 1985 г. на 323 допускались нарушения правил приемки, хранения, отпуска и учета [15, с. 82]. В республике во второй половине 1980-х гг. в результате сокрытия материальных ресурсов на некоторых промышленных предприятиях могли создаваться предпосылки для преступной деятельности «цеховиков» и совершения хищений соцсобственности в особо крупных размерах.

Таким образом, в период 1960-х — начала 1980-х гг. в Башкирии обозначилась тенденция значительного увеличения экономических правонарушений. Большое количество хищений государственной и общественной собственности совершалось должностными

лицами различного уровня, усилилась коррумпированность властно-управленческого аппарата, представителей системы правоохранительных органов, использовавших служебное положение в целях личного обогащения. Рост преступности в сфере народного хозяйства был детерминирован рядом социально-экономических причин, социальных противоречий советского общества. Неустроенность советского быта, культурно-бытовой инфраструктуры, невысокий жизненный уровень, тотальный дефицит и пр. являлись мощными криминогенными факторами, вызывая существенный рост экономических девиаций в среде рядовых граждан.

Принимая в расчет социально-психологические причины усиления экономических девиаций в рассматриваемые годы, можно отметить, что постепенное размывание идеологических принципов социализма, выразившееся в безразличии к общественной морали и духовным традициям страны, в правовом нигилизме, также усугубляло криминогенную обстановку. Происходила незаметная, но неуклонная фетишизация материальной сферы, потребительское отношение к жизни занимало все более устойчивые позиции. Происходил конфликт частных и общественных, государственных интересов, в обществе назревал отход от традиционной культурной системы коллективизма в сторону индивидуализма. Поэтому оправдание массовых хищений и растрат государственного и общественного имущества и других преступных деяний в сфере экономики причинами лишь материального, финансового характера не вполне соответствует объективной реальности.

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ-РФФИ и Регионального конкурса «Урал: история, экономика, культура» 2017 — Республика Башкортостан в рамках научно-исследовательского проекта «Социальные девиации в советском обществе: региональный аспект (на примере Башкирской АССР 1960-х — начала 1980-х гг.)», № 17-11-02004.

Список использованных источников и литературы

1. Бараева Н. Б. Экономические девиации в обществе потребления: социальная ответственность или оппортунизм? URL: http://deviantology.spb.ru/etc/publications/Baraeva-Ekonomicheskie_deviatsii_v_obschestve_potrebleniya.pdf#page=1&zoom=auto,-107,843 (дата обращения 11.03.2016).
2. Беркутов А. С. Некоторые особенности развития органов БХСС в 1940—1960-е годы // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 5. С. 70—72.
3. Бородин С. В. Из практики судов РСФСР по рассмотрению дел о растратах и хищениях социалистической собственности // Советское государство и право. 1960. № 6. С. 111—116.
4. Буларгин В. Борьба с хищениями социалистической собственности в сельском хозяйстве, совершаемыми путем приписок // Социалистическая законность. 1963. № 1. С. 33—36.
5. Власов А. В. Советская милиция: история и современность. 1917—1987. М. : Юридическая литература, 1987. 336 с.
6. Волобуев А., Долгова А., Козлов Ю., Мурашов В. Что такое организованная преступность? // Социалистическая законность. 1988. № 9. С. 25—27.
7. Гальперин И. Предпринимательство, правонарушения, уголовная ответственность // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 8. С. 2—6.
8. Гишинский Я. И. Девиантность и социальный контроль в России (XIX—XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб. : Алетей, 2000. 384 с.
9. Гишинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб. : Питер, 2002. 377 с.
10. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9492. Оп. 6. Д. 375.
11. Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М. : Юридическая литература, 1990. 302 с.
12. Есипов В. М. Теневая экономика : учеб. пособие. М. : ОНИРИО Моск. ин-та МВД России, 1997. 123 с.

13. Казлаункас М., Ринкэвичюс Ю. Социально-психологические аспекты изучения групп расхитителей социалистического имущества // Ученые записки высших заведений Литовской ССР. Право. Вильнюс, 1972. Т. 11. С. 111—113.
14. Кирпичников А. И. Взятка и коррупция в России. СПб. : Альфа, 1997. 350 с.
15. Козлов Ю. Г., Осипенко О. В. Недостатки материально-технического снабжения и хозяйственно-корыстная преступность // Советское государство и право. 1988. № 6. С. 78—85.
16. Козлов Ю. Теневая экономика и преступность // Вопросы экономики. 1990. № 3. С. 120—126.
17. Корягина Т. Теневая экономика в СССР (анализ, оценки, прогнозы) // Вопросы экономики. 1990. № 3. С. 110—120.
18. Мамяченков В. Н. Экономическая преступность на Среднем Урале в первые послевоенные годы (1948—1948 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (62): в 4 ч. Ч. 2. С. 136—141.
19. Мамяченков В. Н. «Продавцы покровительствуют спекулянтам»: борьба органов правопорядка со спекуляцией продовольственными и промышленными товарами в начале 1950-х гг. (на материалах Свердловской области) // Научный диалог. 2016. № 9 (57). С. 160—174.
20. Мамяченков В. Н. Борьба правоохранительных органов с хищениями социалистической собственности в кооперативных организациях и государственной торговле в конце 1940-х годов (на материалах Свердловской области) // Научный диалог. 2017. № 5. С. 224—239.
21. Национальный архив Республики Башкортостан (НАРБ). Ф. Р-933. Оп. 12. Д. 1546.
22. НАРБ. Ф. Р-933. Оп. 12. Д. 1557.
23. НАРБ. Ф. 122. Оп. 185. Д. 133.
24. НАРБ. Ф. 122. Оп. 189. Д. 302.
25. НАРБ. Ф. 122. Оп. 190. Д. 348.
26. НАРБ. Ф. 122. Оп. 200. Д. 415.
27. НАРБ. Ф. 122. Оп. 209. Д. 4.
28. НАРБ. Ф. 122. Оп. 212. Д. 120.
29. НАРБ. Ф. 122. Оп. 215. Д. 245.
30. НАРБ. Ф. 122. Оп. 47. Д. 239.
31. НАРБ. Ф. 122. Оп. 47. Д. 320.
32. НАРБ. Ф. 122. Оп. 47. Д. 422.
33. НАРБ. Ф. 122. Оп. 81. Д. 169.

Поступила в редакцию 29.08.2017

Ахмадиева Наркас Вафиевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук
Российская Федерация, 450054, г. Уфа, проспект Октября, 71
E-mail: ahmadieva72@mail.ru

UDC 94 (470.57)“196/198”

N. V. Akhmadieva**Economic crimes in Bashkiria in the 1960s — early 1980s**

The article studies the problems of the growth of economic crimes in Bashkortostan in the 1960s — early 1980s. The dynamics of economic, economic-mercenary criminality is considered, general directions of criminal activity are presented. It was established that the facts of embezzlement, theft, squandering, misrepresentation in state reporting, uneconomic attitude to the preservation of socialist property in individual enterprises, organizations and institutions of Bashkiria were of a mass nature. The growth of criminality in the sphere of the national economy was determined by the number of socioeconomic causes, the social contradictions of Soviet society. The lack of proper regulation of life, low living standards, total deficit were serious criminogenic factors, potentiating the growth of economic deviations. The article shows the role of the state and society in the implementation of the program of law enforcement measures aimed at eliminating this negative phenomenon. Despite measures of state and social control, economic crime took a significant place in the structure of general criminality and was of a systemic nature.

Key words: economic crimes, law enforcement agencies, Bashkiria, theft, socialist property.

Akhmadieva Narkas Vafievna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher
Bashkortostan Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Center of Russian
Academy of Sciences
Russian Federation, 450054, Ufa, pr-t Oktyabrya, 71
E-mail: ahmadieva72@mail.ru

References

1. Baraeva N. B. *Ekonomicheskie deviatsii v obshchestve potrebleniya: sotsial'naya otvetstvennost' ili opportunizm?* [Economic deviations in the consumer society: social responsibility or opportunism?]. Available at: http://deviantology.spb.ru/etc/publications/Baraeva-Ekonomicheskie_deviatsii_v_obschestve_potrebleniya.pdf#page=1&zoom=auto,-107,843. Accessed: 11.03.2016. (In Russian)
2. Berkutov A. C. Nekotorye osobennosti razvitiya organov BKhSS v 1940—1960-e gody [Some peculiarities of the development of BHSS bodies in the 1940s — 1960s]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2009, no. 5, pp. 70—72. (In Russian)
3. Borodin C. B. Iz praktiki sudov RSFSR po rassmotreniyu del o rastratakh i khishcheniyakh sotsialisticheskoi sobstvennosti [From the practice of the courts of the RSFSR to review cases of socialist property embezzlement]. *Sovetskoe gosudarstvo i parvo*, 1960, no. 6, pp. 111—116. (In Russian)
4. Bulargin V. Bor'ba s khishcheniyami sotsialisticheskoi sobstvennosti v sel'skom khozyaistve, sovershaemymi putem pripisok [The struggle against socialist property theft in agriculture, done by means of additions]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, 1963, no. 1, pp. 33—36. (In Russian)
5. Vlasov A. B. *Sovetskaya militsiya: istoriya i sovremennost'. 1917—1987* [Soviet militia: history and modernity. 1917—1987]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1987. 336 p. (In Russian)
6. Volobuev A., Dolgova A., Kozlov Yu., Murashov V. Chto takoe organizovannaya prestupnost'? [What is organized crime?]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, 1988, no. 9, pp. 25—27. (In Russian)
7. Gal'perin I. Predprinimatel'stvo, pravonarusheniya, ugolovnaya otvetstvennost' [Entrepreneurship, offenses, liability to prosecution]. *Vestnik Verkhovnogo Suda SSSR*, 1991, no. 8, pp. 2—6. (In Russian)
8. Gilinskii Ya. I. *Deviantnost' i sotsial'nyi kontrol' v Rossii (XIX—XX vv.): tendentsii i sotsiologicheskoe osmyslenie* [Deviance and social control in Russia (XIX—XX centuries): trends and sociological comprehension]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2000. 384 p. (In Russian)
9. Gilinskii Ya. I. *Kriminologiya: teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, sotsial'nyi kontrol'* [Criminology: theory, history, empirical basis, social control]. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 377 p. (In Russian)
10. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archives of the Russian Federation]. F. R-9492. Op. 6. D. 375.
11. Gurov A. I. *Professional'naya prestupnost': proshloe i sovremennost'* [Professional crime: the past and the present]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1990. 302 p. (In Russian)

12. Esipov V. M. *Tenevaya ekonomika* [Shadow economy]. Moscow, ONiRIO Mosk. in-ta MVD Rossii Publ., 1997. 123 p. (In Russian)
13. Kazlaunkas M., Rinkevichyus Yu. Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty izucheniya grupp raskhititelei sotsialisticheskogo imushchestva [Socio-psychological aspects of studying the groups of plunderers of socialist property]. *Uchenye zapiski vysshikh zavedenii Litovskoi SSR. Pravo* [Bulletin of high schools of Lithuanian SSR. Law]. Vil'nyus, 1972, vol. 11, pp. 111—113. (In Russian)
14. Kirpichnikov A. I. *Vzyatka i korruptsiya v Rossii* [Bribery and corruption in Russia]. St. Petersburg, Al'fa Publ., 1997. 350 p. (In Russian)
15. Kozlov Yu. G., Osipenko O. V. Nedostatki material'no-tekhnicheskogo snabzheniya i khozyaistvenno-korystnaya prestupnost' [Disadvantages of material and technical supply and economic-self-serving criminality]. *Sovetskoe gosudarstvo i parvo*, 1988, no. 6, pp. 78—85. (In Russian)
16. Kozlov Yu. Tenevaya ekonomika i prestupnost' [The shadow economy and crime]. *Voprosy ekonomiki*, 1990, no. 3, pp. 120—126. (In Russian)
17. Koryagina T. Tenevaya ekonomika v SSSR (analiz, otsenki, prognozy) [The shadow economy in the USSR (analysis, estimates, forecasts)]. *Voprosy ekonomiki*, 1990, no. 3, pp. 110—120. (In Russian)
18. Mamyachenkov V. N. Ekonomicheskaya prestupnost' na Srednem Urале v pervye poslevoennye gody (1948—1948 gg.) [Economic crime in the Middle Urals in the first post-war years (1948—1948)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, no. 12 (62), part 2, pp. 136—141. (In Russian)
19. Mamyachenkov V. N. “Prodavtsy pokrovitel'stvuyut spekulyantom”: bor'ba organov pravoporyadka so spekulyatsiei prodovol'stvennymi i promyshlennymi tovarami v nachale 1950-kh gg. (na materialakh Sverdlovskoi oblasti) [“Vendors protect speculators”: the struggle of law enforcement agencies with the speculation of food and industrial goods in the early 1950's (on the materials of the Sverdlovsk region)]. *Nauchnyi dialog*, 2016, no. 9 (57), pp. 160—174. (In Russian)
20. Mamyachenkov V. N. Bor'ba pravookhranitel'nykh organov s khishcheniyami sotsialisticheskoi sobstvennosti v kooperativnykh organizatsiyakh i gosudarstvennoi torgovle v kontse 1940-kh godov (na materialakh Sverdlovskoi oblasti) [The struggle of law enforcement agencies with the socialist property theft in cooperative organizations and state trade in the late 1940s (on the materials of the Sverdlovsk region)]. *Nauchnyi dialog*, 2017, no. 5, pp. 224—239. (In Russian)
21. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan* [National Archives of the Republic of Bashkortostan] (NARB). F. R-933. Op. 12. D. 1546.
22. NARB. F. R-933. Op. 12. D. 1557.
23. NARB. F. 122. Op. 185. D. 133.
24. NARB. F. 122. Op. 189. D. 302.
25. NARB. F. 122. Op. 190. D. 348.
26. NARB. F. 122. Op. 200. D. 415.
27. NARB. F. 122. Op. 209. D. 4.
28. NARB. F. 122. Op. 212. D. 120.
29. NARB. F. 122. Op. 215. D. 245.
30. NARB. F. 122. Op. 47. D. 239.
31. NARB. F. 122. Op. 47. D. 320.
32. NARB. F. 122. Op. 47. D. 422.
33. NARB. F. 122. Op. 81. D. 169.